

МАНЬЖУРСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В Москву из двухмесячной поездки по Северному Китаю и Маньчжурии вернулся группа солдат балета Большого театра Союза ССР во главе с авторской группой РСФСР С. Мессерер. Артисты дали 55 концертов для частей Красной Армии и гражданского населения. Две недели посетили С. Мессерер с гастролями поездку советских артистов по городам Китая и Маньчжурии.

3 часа полета — и из Хабаровска мы прилетели в столицу Маньчжурии г. Чанчунь. Группу артистов на аэродроме сразу окружила толпа китайцев. Раздалась возглас: «Руски — хорощо!» «Русски — ши-го!» Нам дружески жали руки, проводили до автомобилей.

Город имеет вполне европейский вид, особенно его большие центральные улицы. Многие дома усажены советскими и китайскими национальными флагами. При японцах в Чанчуне (как и во всех городах Маньчжурии) был установлен строгий «самурайский» порядок: город был разделен на две части — японскую и китайскую. Там, где пролегал оживленный, заливный асфальтом улицы, жили хозяева-японцы, а в узких, грязных улочках и переулках — рабочие-китайцы. С какой радостью переселяются сейчас китайцы в бывшие японские кварталы города.

Мы дали концерт для китайской интеллигенции Чанчуня. За участие, сами толпились к театру, они выражали свое восхищение искусством Советской России. Танцевал под непрерывный для нас «аккомпанемент» — зрители во время исполнения аплодируют. После концерта мы поражаемся благодарит нас и преподносят цветы.

Глубокое, словами не передаваемое волнение испытали мы через несколько дней в Харбине, на концерте, в первом отделении которого выступала наша бригада, а во втором — китайский театр.

В зале — представитель советского командования и китайский интеллигент. Мы танцевем самые разнообразные номера: балетную классику, сцены из советских балетов и народные танцы: русский, украинский, грузинский.

Кончилось первое отделение, раз-

примировываемся, входим в зал... Нам подходят советские офицеры, они извещают:

— Смотрите на этих танцы, мы как бы видели родину! — говорят они. Начинается второе отделение. На сцене — китайский театр. Бьет барабан, звучит гонг, поет однострунный, лапминаторский скрипку, инструмент. Медленно выносятся на сцену необходимые реквизиты. Появляются актеры. Они в необычайно ярких, красных костюмах. У исполнителей женских ролей (среди них немало мужчин) — лиловое лицо и белый нос. У исполнителей мужских ролей (среди них и женщин) — бордовые, наклеенные выше верхней губы. Жесты актеров условны. Если по ходу представления нужно уйти, он делает несколько шагов в глубину сцены, поворачивается спиной к зрителям и стоит неподвижно. Это значит, что он ушел. Когда актер поднимает ногу и отводит носок в сторону — это означает, что он шел вперед на лошади.

Большое впечатление произвела на нас юная тринадцатилетняя актриса. Она одна сыграла сказку, содержание которой заключалось в следующем: молодой рыбак поймал большое рыба черепуху. Она унесла рыбака на дно моря и тем подарил шкатулку, которая принесет ему счастье. Только он не должен открывать шкатулку раньше определенного срока. Но любопытство взяло верх: юноша раньше времени открыл шкатулку и в то же мгновение превратился в старика.

Всю эту сказку талантливая девочка пропела. Каждое движение ее было пластично и своеобразно, а лицо оставалось неподвижным. Момент, когда юноша превращается в старика, она передала так: издала искусно сделанную маску морщинистого, с плаксимым выражением лица старца и великолепно изобразила его

Советские артисты совместно с представителями Красной Армии на вокзале в г. Дайреню

дрожащую походку и трясущиеся руки.

Сейчас в Харбине очень много бывших «бесплатных рабочих». Это — китайцы, хуае, обранные в дворянских соломных шляхах; они в течение шести месяцев в году бесплатные работали на рисовых полях японских помещиков. Как благодарны они теперь Советскому Союзу, принесшему им свободу!

Мы в базаре в Мукдене. На длинном разруженном барке видны азиатские афиши. Китаец гоним зазывает войти в барак. Это — народный китайский театр. Представление уже шло. В темноте чувствовал под ногами какой-то хруст. Оказывается, все зрители щелкают китайские орешки и тут же бросают шелуху на пол, так что мы шли как бы по ореховому ковру. С трудом нашли свободные места. Мимо меня на первом ярусе пролетело крупное полотнище. Это — полотнище общего пользования; один зритель вытиснул (в театре жарко) — бросает другому. На балконе кто-то из зрителей пьет чай, мать комитит грудакое ребенка. Так сидят в театре часами.

Начался дивертисмент. Выступают лопкие жонглеры, их сменила певица с неестественно раскрашенным лицом, за ней подышли фехтовальщики на палках. Они очень ловко орудовали своими «шагмаи» под шумные крики «большакиков».

Появились мы в Мукдене и в японском театре. Японцы всячески стремятся подражать «крикам европейской моды», но очень неудачно. Японский театр в Мукдене построен в европейском стиле. Нам показали японский джаз. Джаз был очень плохой. Как раз основные джазовые инструменты — саксофон, аккордеон и другие — играли особенно неудачно. Выступала певица со слабым голосом, плохо певшая негритские песни. Эта же певица танцевала канкан, поводя плечами и бедрами. Затем на сцене появились японские «герлз» — в камизо, с пышными прическами. Вид у них очень картинный, но танца почти никакого нет — всего несколько переколов. Зато все очень пышными фокусники. Он играет, не переставая говорить с публикой, одну за другой семь брызг и через некоторое время вынимает их из рта сложными вместе. Он гла-

тает столько часы в шапку и, спустив несколько секунд, вынимает обратно нос, соединенные с пещочкой. Продолжил разговаривать, он глотал пять живых рыбок, и вот они снова у него в руке, все еще живые.

Мы вышли на улицу. По базару бежит уже немолодой янки, впряженный в кабrioлет с большими колесами.

Наша красноармейцы, возмущенные использованием человека вместо янки. Рассказывают, что один красноармеец предложил как-то поесажирничать на место янки, а последнего посадил на место японца в колеску.

В центре города янки теперь появляются редко.

Дайрен (Дальний) — чудесный приморский город. Прямые, чистые, асфальтированные улицы. По ним с грохотом проносятся переломленные трамваи с автомобильными рожками. А рядом с трамваями — японцы и китайцы и запряженными в них мулами. В этот город японцы много лет чувствовали себя хозяевами. Сейчас они записывают перед русскими.

Мы видели листовые надписи на японских закусочных: «Для русского солдат чай бесплатно. Дорос покажывать!»

Перед нами японский храм Чин-Джо. Подобострастно величавый жрец-японец, сгибая спину, ведет нас осматривать храм, обещая показать религиозные танцы. Посередине большого зала — низкая эстрада. Мы, как в театре, жрец вежливо предлагает нам кресла. Входит пять музыкантов и садятся на корточки сваяри эстрады — флейта, барабан, трещотка, маленький барабан и еще какой-то незнакомый инструмент. Жрец — танцующий в маске и в блестящем золотом костюме — ритмично исполняет танец «Рио-от». Затем четыре мальчика, а после них три девочки — все в ярких костюмах — исполняют танцы с очень торжественными движениями.

7 ноября по окну Ямата-отеля, входящего на центральной площади порта Дайрен, мы смотрели на демонстрацию китайского населения в честь 28-й годовщины Октябрьской революции. От площади веером расходились улицы. Мы видели, как китайцы восторженно приветствовали про-

ходящих советских полков. Высоко подняв руки над головами, кричали: «Спасибо совет солдаты!», «Хорошо, хороша!», «Со-хо!». «Наша выша ждала!» «Хе еще улчи к центру, к празднику обранной трибуны устремлялись колонны демонстрантов. И казалось, плывут со всех сторон разноцветные реки — в таких ярких костюмах были китайцы! На лицах некоторых были надеты цветные маски, причудливо расписанные маски. Многие шагали на высоких ходулях. Плавно показываясь, изобретения огромных драконов. Особенно симпатично выглядели дети: все с носочками, обрамляющими их затерянные лица. Подойдя к трибуне, демонстранты кланялись три раза и кричали «ура!».

Из Дайрена по прекрасному шоссе едем один час езды до Порт-Артура. Мы в двенадцати тысячах километров от Москвы, в Порт-Артуре, в городе-герое, знакомом и дорого нам с детства.

Возле Порт-Артура Препельный горе, у обелки построенного японцами. На самом верку обелка, на голубых волнах и зелених волногах, развевается красное знамя. А внизу надпись: «Воздуши знамя танкисты Харченко, Вацук, Елдокимов». Тихо, тепло. Рейд, где стола русская эскадра в памятную ночь 8 февраля 1904 года. Стояк молча, сияя голубые уборы: Спутнишки, мы поехали на Электронский утес, где сохранилась русская батарея. Вот русское кладбище. Памятник с надписью: «Здесь похоронены бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите крепости Порт-Артура». Вечером Порт-Артур несбыточно красив. Город празднично иллюминирован. По улицам шагают красноармейцы и педа родине песни. А на рейде стояла советские корабли, и в спокойном море, как в зеркале, отражались разноцветные огни.

Мы дали в городах Маньчжурии 55 концертов.

Советские воины называли наши выступления «популярным Родине», китайцы говорили, что наши концерты являются еще одним доказательством дружеского отношения к нам страны, освободившей их от японской тираннии.

Какое большое счастье быть артистом нашей великой страны!